

Б. В. САПУНОВ

К вопросу о прекращении деятельности первых типографий в Москве

В специальной литературе версия о пожаре типографии и бегстве Ивана Федорова сложилась не сразу. Своим происхождением она обязана митрополиту Евгению и главным образом Н. М. Карамзину. В 1818 г. Евгений писал: «После Апостола... типографщики, от невежд и суеверов обвиненные в ереси и волшебстве, принуждены были удалиться в Польшу».¹ В «Истории государства Российского» Карамзин высказывал по этому поводу следующее соображение: «Сие важное предприятие (устройство типографии, — Б. С.)... возбудило негодование многих грамотеев, которые жили списыванием книг церковных. К сим людям присоединились и суеверы, изумленные новостью. Начались толки, и художник Иван Федоров, смертью Макария лишенный усердного покровителя, как мнимый еретик должен был вместе со своим товарищем Петром Мстиславцем удалиться от гонителей в Литву».² По поводу пожара типографии в примечании 91-м IX тома читаем: «Флетчер пишет, что... типография Московская сгорела ночью, заженная, как думали, суеверами».³ Неизвестно, на основании каких источников Карамзин утверждал, что главными противниками книгопечатания были переписчики книг. Иван Федоров был по этому вопросу другого мнения. В послесловии львовского Апостола 1574 года Иван Федоров, рассказывая о причинах своего отъезда из Москвы, писал: «...презельного ради озлобления, часто случающагося нам не от самого того государя, но от многих начальник, и священноначальник, и учитель, которые на нас зависти ради многия ереси умышляли... якож обычай есть злонаравных и ненаученых, и неискусных в разуме человек, ниже грамотическия хитрости навикше, ...сия убо нас от земли и отечества и от рода нашего изгна, и в ины страны незнаемы пресели»

Ни в этом послесловии, ни в каком-либо другом сочинении Иван Федоров никогда не называл переписчиков книг в числе своих врагов.

Д. Флетчер, посетивший Россию в 1588 году в качестве посла английской королевы Елизаветы, писал в своих записках: «...вскоре дом ночью подожгли, и станок с буквами совершенно сгорел, о чем, как полагают, постаралось духовенство».⁴

Как видно из сравнения текстов, Карамзин, ссылаясь на Флетчера, неверно цитирует последнего. Вместо «духовенства», о котором говорит

¹ Митр. Евгений. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российския церкви, ч. I. СПб., 1818, стр. 281.

² Н. М. Карамзин. История государства Российского. СПб., 1843, кн. III, т. IX, гл. 1, стлб. 28.

³ Н. М. Карамзин, ук. соч., Примечания к IX тому, стлб. 20, № 91.

⁴ Д. Флетчер. О государстве Русском. Изд. 2-е, СПб., 1905, стр. 96

Флетчер, Карамзин в поджоге типографии обвиняет «суеверов». Не следует он также за послесловием львовского Апостола 1574 года.

С. М. Соловьев, не приводя никаких новых данных, утверждал: «Есть известие, что типографский дом был сожжен неблагонамеренными людьми», а печатники вынуждены были «бежать за границу»¹ Что это за известие, Соловьев не указал. После этого рассказ о бегстве Ивана Федорова и пожаре его типографии стал широко повторяться, хотя документального подтверждения так и не получил.

В логической связи с легендой о бунте переписчиков стоят утверждения о буржуазном характере русского книгопечатания, о том, что низкая цена первопечатной книги была существенным мотивом к основанию первых московских типографий.² Подобное утверждение неверно прежде всего фактически. Собранные нами сведения о движении цен на рукописные и печатные книги XVI—XVII веков, данные, полученные в результате изучения состава книжного фонда ряда библиотек XVI—XVII веков, привели нас к убеждению, что в середине XVI века у переписчиков книг не было никакого серьезного экономического основания бояться конкуренции печатного двора.³

Представления о том, что переписчики были в числе активных врагов типографского дела, дожили до наших дней. С В. Бахрушин писал: «Есть известие, что работа типографии прервалась вследствие пожара типографии от поджога. Виновниками прекращения деятельности типографии были, повидимому, переписчики книг, боявшиеся потери заработка»⁴ То же самое С В Бахрушин утверждал и в «Истории Москвы».⁵ Врагами книгопечатания, правда, не основными, считает переписчиков и П. Березов.⁶ И В Новосадский полагал, что своей деятельностью русские первопечатники прокладывали дорогу буржуазным общественным отношениям, чем естественно должны были вызвать протест со стороны представителей класса феодалов.⁷ Согласиться с этим никак нельзя.⁸ Книгопечатание относилось еще к ремесленному периоду; с точки зрения материальных основ оно не подготовило новую характерную для капиталистического периода машинную технику. Эту новую технику подготовили другие изобретения: часы и мельница.⁹ Книгопечатание на Западе явилось одной из необходимых предпосылок буржуазного развития, но только по своей роли в идеологической борьбе. Между тем, политическая роль первопечатной книги в России была совершенно иной, чем на Западе. Книгопечатание в Москве возникло из внутренних потребностей классового феодального общества Руси XVI века и было теснейшим образом связано с его социально-экономическим развитием, с задачами культурной и политической

¹ С М Соловьев История России с древнейших времен СПб (1894), кн II, т VII, столб 534

² Иван Федоров первопечатник Изд Академии Наук СССР, М—Л, 1935, стр 48, 63, 67

³ Б В Сапунов Исторические предпосылки возникновения книгопечатания в России Автореферат, Л, 1954, стр 14

⁴ История СССР, I Изд 2-е, 1948, стр 351

⁵ История Москвы, I М, 1952, стр 246

⁶ П Березов Первпечатник Иван Федоров. М, 1952, стр 139

⁷ И В Новосадский Возникновение печатной книги в России в XVI в Труды Института книги, документа, письма, V, М—Л, 1936, стр 207

⁸ В специальной литературе уже писали об ошибочности общей системы взглядов И В Новосадского на возникновение русского книгопечатания См акад М Н Тихомиров Начало московского книгопечатания Ученые записки МГУ, вып 41, история, 1940, стр 82 и др

⁹ К Маркс Письма к Ф Энгельсу от 28 января 1863. В кн К Маркс, Ф Энгельс Избранные письма ОГИЗ, 1953, стр 137

централизации государства Русское книгопечатание в XVI веке не способствовало утверждению буржуазной идеологии и не могло вызвать враждебное отношение господствующего класса феодалов.

Ряд исследователей последнего времени относит к активным противникам Ивана Федорова иосифлянки настроенную часть духовенства. В 1940 году И. Бас писал, что смена на митрополичьей кафедре нестяжателя Макария иосифлянином Афанасием была одной из важных причин, заставивших Ивана Федорова, принадлежавшего якобы к партии нестяжателей, бежать за границу.¹ В лагерь противников Грозного относит иосифлян 1560-х годов также А. А. Сидоров.² Следуя за А. А. Сидоровым, подобную точку зрения разделяет и П. Березов.³

Предположение, что Макарий придерживался взглядов нестяжателей, ни на чем не основано. Специально изучавшие жизнь и деятельность Макария К. Заусцинский,⁴ В. О. Ключевский,⁵ Е. Голубинский,⁶ И. У. Будовниц⁷ и другие исследователи всегда считали Макария типичным иосифлянином, но умеренным. Трудно согласиться также с предложенной А. А. Сидоровым общей оценкой политической линии нестяжателей и иосифлян 1560-х годов.⁸

В научной литературе уже давно высказывалось недоумение по поводу той позиции, которую занял Грозный в судьбе Ивана Федорова. Если М. Н. Тихомиров считает, что первопечатники уехали в Литву с согласия царя,⁹ то А. С. Зернова высказывает по этому поводу прямо противоположное мнение: «... царь, очевидно, был за что-то против Ивана Федорова, только неизвестно, какого рода вину вменяли ему».¹⁰ Между тем, нет никаких оснований предполагать, что Иван Федоров мог находиться в числе политических противников царя. Необосновано также предположение В. Романовского, А. А. Сидорова и Б. П. Орлова о том, что Иван Федоров был близок к партии еретиков.¹¹ По крайней мере каких-либо данных об этом обнаружить не удалось. Апостол, изданный Иваном Федоровым в 1564 году, ортодоксален и по форме, и по содержанию.¹² Такие строгие ревнители первопечатности, как старообрядцы XVII и XVIII веков, пользовались первопечатным Апостолом. Никогда не отрицала его и ортодоксальная православная церковь. Если бы Иван Федоров бежал за границу как политический противник Грозного или как еретик, то ни официальная историография, ни народная молва не стали бы скрывать этот факт. Между тем, именно за Иваном Федоровым закрепилась почетная

¹ И Бас Иван Федоров Сер «Жизнь замечательных людей», вып 8, М., 1940, стр 118—119

² А А Сидоров Древнерусская книжная гравюра М, 1951, стр 61.

³ П. Березов, ук соч, стр 139.

⁴ К Заусцинский Макарий митрополит всея России ЖМНП, ССХVII, 1881, октябрь, стр 209—259

⁵ В. Ключевский. Древнерусские жития святых .. М., 1871, стр. 222

⁶ Е. Голубинский История канонизации святых в русской церкви Изд 2-е, М., 1903, стр 92—109.

⁷ И У Будовниц Русская публицистика XVI в М—Л, 1947, стр. 189

⁸ Там же, стр 100. См рецензию Л Черепнина на ук, соч И У Будовница «Вопросы истории», 1947, № 8, август, стр 121—123.

⁹ М Н Тихомиров, ук соч, стр 94

¹⁰ А С Зернова. Начало книгопечатания в Москве и на Украине. М., 1947, стр 44

¹¹ В Романовський Друкар Іван Федорович, життя його та діяльність. Українська книга Труды українського наукового інституту книгознавства, т I, Київ, 1926, стр. 10 — А А Сидоров, ук соч, стр 61 — Б П Орлов Полиграфическая промышленность Москвы М, 1953, стр 35

¹² Г Воскресенский Древний славянский перевод Апостола и его судьба до XV в М., 1879, стр 38

слава русского первопечатника. В XVIII веке этого мнения придерживались Дмитрий Ростовский¹ и В. К. Тредиаковский,² присоединяясь к оценкам, данным труду И. Федорова еще в середине XVII века.³

Нельзя признать убедительными и предположения отдельных историков о том, что причины отъезда Ивана Федорова за границу следует искать в области личных взаимоотношений, которые сложились между первопечатниками и определенными кругами московской аристократии.⁴ В послесловии львовского Апостола Иван Федоров подчеркивал, что нападкам подвергался не лично он или Петр Мстиславец, а они, как представители «благого», «божьего дела», которое враги хотели «вконец погубити».

Наконец, А. С. Зернова считает, что вообще невозможно установить причины бегства или отъезда Ивана Федорова в Литву.⁵

Такое разнообразие во взглядах заставляет нас еще раз остановиться на обстоятельствах прекращения деятельности первых русских печатных дворов. Трудности изучения этих обстоятельств проистекают от ограниченности источников, имеющихся в распоряжении у исследователя. Ни в летописях, ни в архивных собраниях, ни в каких-либо документах по данному вопросу нет почти никаких конкретных указаний. Помимо хорошо известного места из послесловия львовского Апостола 1574 года и высказывания Флетчера, помимо самих книг, большой интерес для изучения причин гибели первого московского печатного двора имеет известие французского историка Андре Теве (1540—1592).

В 1584 году в Париже было издано его сочинение под названием «Подлинные портреты знаменитых людей» («Vrais portraits des hommes illustres»). Одна глава этой книги — «Василий князь Московский» («Basile duc de Moscovie») — была переиздана Августином Голицыным (1824—1875) в составе небольшого сборника на французском языке, в котором А. Голицын издал все, что было написано Теве о Московии.⁶ На стр. 165—166 указанной брошюры читаем: «Что касается книгопечатания, то москвиты ввели его в употребление только с 1560 г. Оно было открыто одним московским купцом, изготовившим шрифты, при помощи которых увидели свет многие очень красивые книги. Но все же, так как они очень подозрительны и создают трудности там где их нисколько не видно, по примеру греческих сектантов,⁷ некоторые из них путем тонкого коварства и подставных лиц нашли возможность сжечь их шрифты из страха, что печатные книги могут принести какие-либо изменения в их убеждения и религию. По этому поводу не было предпринято никаких преследований или розысков князем и его подданными».

Приведенные выше сведения Теве остались совершенно неучтенными в дореволюционное время. В советские годы на Теве ссылаются только

¹ Дмитрий митр. Ростовский. Розыск о раскольничей брынской вере. М., 1762, лист 9 об.

² В. Тредиаковский. Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии. СПб., 1748, стр. 101.

³ Трефолой, М., 1638, июнь, июль, август, лист 172 об. — Сказание известно о воображении книг печатного дела. Издал П. Стросв в книге «Описание старопечатных книг славянских. Ив. Ник. Царского», М., 1836, стр. 439. Первый вариант этого сказания М. Н. Тихомиров относит к 1641—1645 годам: М. Н. Тихомиров, ук. соч., стр. 83.

⁴ И. Бас, ук соч., стр. 118.

⁵ А. С. Зернова, ук соч., стр. 42.

⁶ A. Thevet Cosmographie Moscovite. Paris, MDCCCLVIII.

⁷ Так А. Теве называет православное духовенство.

один И. В. Новосадский.¹ Сравнивая текст парижского издания 1858 года с публикацией И. В. Новосадского, следует признать, что последний оригинала текста Те́ве, повидимому, не видел, так как допустил много фактических неточностей.

Сведения о прекращении деятельности первой русской типографии Те́ве, вероятно, получил в 1576 году от одного английского «сеньера», который 7 лет находился посланником в Москве.² В настоящее время трудно, конечно, установить, кого имел в виду Те́ве, но попытаться сделать это все же возможно.

Из большого числа англичан, посетивших Россию в 60—70-х годах XVI века, с большой степенью вероятности, этим лицом мог быть Джеффри Декэт. Являясь агентом Московской компании, он действительно находился в Московии 7 лет — с 1568 по 1574 год.³ Видимо, Декэт сообщил Те́ве о работоргове на Востоке, упоминания о которой имеются и у того, и у другого.

Почти все известия Те́ве, касающиеся истории книгопечатания в России, независимо от того, откуда бы они ни были взяты, находят себе подтверждение в других источниках. Так, например, Те́ве пишет, что книгопечатание русские ввели в употребление только в 1560 году. То же самое сообщает анонимный английский автор (предположительно — Джон Мерик) в книге «Любопытное сказание о современном состоянии России» (*Relation Curieuse de l'Etat présent de la Russie*), изданной в Париже Антониом де Бером в 1679 году.⁴ Утверждение Те́ве, что москвиты печатают «многие очень красивые книги», совпадает с характеристикой, данной первенцам русского типографского дела Р. Барберини.⁵ Указание Те́ве на духовенство как на активных врагов книгопечатания подтверждается показаниями Флетчера и самого Ивана Федорова. Наконец, известие о пожаре имеется также и у Флетчера, который писал независимо от Те́ве.

Этим собственно и ограничиваются все сведения, непосредственно относящиеся к выяснению обстоятельств прекращения работы первых московских типографий.

Без нового фактического материала окончательно решить вопрос о причинах прекращения деятельности первых типографий никогда не удастся, однако кое-какие соображения и уточнения должны быть сделаны уже сейчас.

Большой интерес представляет попытка уточнить дату отъезда первопечатников. Определив возможно более точно эту дату, мы сможем теснее увязать прекращение деятельности первых московских печатных дворов с политической борьбой, лучше разобраться в обстоятельствах отъезда Ивана Федорова.

Основываясь на библиографических данных, обычно утверждают, что Иван Федоров мог уехать из Москвы не раньше самого начала 1566 года и не позднее начала 1568 года.⁶ Между тем, имеется возможность установить более точную дату. В послесловии Апостола 1574 года есть фраза:

¹ Иван Федоров первопечатник, стр. 28, 60.

² A. Thevet, ук. соч., стр. 164.

³ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1938, стр. 250, 255

⁴ «Маяк», VII кн. XIV, гл. IV, СПб., 1843, стр. 95 (сообщение П. Корсакова). Можно предположить, что автор «Любопытного сказания» и человек, сведения которого использовал Те́ве, имели в виду не типографию Ивана Федорова, а так называемую анонимную типографию, так как типография Ивана Федорова была основана в 1563 году.

⁵ Сказания иностранцев о России в XVI—XVII вв. СПб., 1843, стр. 34

⁶ Иван Федоров первопечатник, стр. 60. — П. Березов, ук. соч., стр. 141.

«Егда же оттуда (из России, — Б. С.) семо приидохом ... восприяша нас любезно ... государь Жигимонт Август король польский и великий князь литовский... со всеми паны рады своея». Многие считают,¹ что встреча Ивана Федорова с королем произошла на Виленском вальном сейме, заседания которого продолжались с 18 ноября 1565 года по 11 марта 1566 года. Однако такое предположение вызывает ряд возражений. До конца 1565 года Иван Федоров был занят в Москве в связи с завершением работ по изданию Часовника и едва ли мог попасть в Вильно даже к самому закрытию сейма. Имеется еще другое, более веское возражение. Иван Федоров писал, что встречал его в Литве «король со всеми паны рады своея». Паны рады — это не сейм.² Эти понятия хорошо различали в Москве и никогда не смешивали раду с сеймом. Когда и где находился в Литве польский король с панами рады в промежуток времени между началом 1566 года и серединой 1568 года? В конце марта 1566 года король уехал в Польшу, где с 6 апреля по 16 сентября принимал участие в работе Люблинского сейма. Октябрь—ноябрь 1566 года он отдыхал в своем любимом местечке Кнышине (24 км от Белостока). С конца 1566 года по 6 января 1567 года Сигизмунд II Август находился в г. Городне (75 км восточнее Бреста), где заседал Литовский сейм. Август—сентябрь 1567 года король развлекался охотой и танцами в том же Кнышине, а 2 октября во главе польско-литовских войск выступил в поход против Ивана IV.³ Круг поисков сокращается до одного года — с октября 1566 года по сентябрь 1567 года. Встреча едва ли могла состояться в Кнышине в октябре—ноябре 1566 и августе—сентябре 1567 годов, так как там король не устраивал торжественных приемов, по крайней мере сведений об этом обнаружить не удалось. В таком случае остается 8 месяцев — январь—август 1567 года. Первую половину этого года король провел преимущественно в Кнышине, наезжая иногда в Городню. Так, например, в июле 1567 года вместе с панами рады он принимал в Городне московских послов. Возможно, что именно в Городне в первой половине 1567 года Иван Федоров и был принят королем «с панами рады». Такая дата хорошо согласуется с другими событиями того времени. С 30 мая по 22 июля 1566 года в Москве находился брат гетмана литовского Григория Александровича Ходкевича — Юрий Александрович.⁴ Вполне возможно, что Иван Федоров мог договориться с ними о своей будущей деятельности в Литве, так как, уехав из Москвы, первопечатники прямо направились к Г. А. Ходкевичу и были им сразу приняты.

Необходимо отметить еще два обстоятельства: во-первых, с середины и до конца 1566 года между Москвой и Польшей было заключено временное перемирие, которое могло способствовать благополучному переходу Иваном Федоровым границы.⁵ Во-вторых, в начале марта 1567 года были сняты заставы и караулы на дорогах, которые были поставлены зимой 1566—1567 года в связи с эпидемией, охватившей многие города западной окраины.⁶ Учитывая это, можно предполагать, что первопечатники уехали из Москвы зимой 1566—1567 года.

Типография Андроника Невежи и Никифора Тарасиева была основана, по словам послесловия Псалтыри 1568 года, 8 марта 1568 года. Начало работ по организации этой типографии должно было приходиться на се-

¹ М. Н. Тихомиров, ук. соч., стр. 93.

² История Польши, I. М., 1954, стр. 181—183.

³ М. Любавский. Литовско-русский сейм. М., 1900, стр. 688—790.

⁴ ПСРЛ, XIII, второй полутом, стр. 402—403.

⁵ Там же, стр. 402—404.

⁶ ПСРЛ, XIII, второй полутом, стр. 404.

решину или вторую половину 1567 года, что также вполне согласуется с предложенной нами датой отъезда Ивана Федорова в Литву.

Несколько позже прекратила свою деятельность анонимная типография. Еще митрополит Евгений и Карамзин писали, что так называемое Евангелие четвертого шрифта вышло после Апостола 1564 года, хотя, по их мнению, обе книги были отпечатаны в типографии Ивана Федорова.¹ Тщательное изучение анонимных изданий привело А. С. Зернову к убеждению, что изданное анонимной типографией Евангелие четвертого шрифта было отпечатано почти одновременно с Часовником 1565 года. Такому предположению вполне соответствует близость стили и заставок обеих книг.² Анонимная типография еще некоторое время продолжала свою работу, выпустив Псалтырь четвертого шрифта, которая по качеству типографского искусства значительно превосходит все анонимные издания, включая Евангелие четвертого шрифта. Учитывая, что Часовник был закончен в конце 1565 года, следует предположить, что Псалтырь четвертого шрифта печаталась в 1566 году, а прекращение деятельности анонимной типографии приходится на 1567 год.

Кто же были конкретные враги московских первопечатников? Весьма возможно, что «учителя», о которых писал Иван Федоров, — это прослойка духовенства, занимавшаяся учительством. В их руках сосредоточивалась в XVI веке вся монополия на обучение подрастающего поколения.³ Распространение государством печатной книги угрожало вырвать эту монополию у церкви и передать ее в руки государства. Данное обстоятельство, конечно, не могло не вызвать протеста со стороны «учителей». Ф. Энгельс писал: «В результате изобретения книгопечатания и роста потребностей все более расширяющейся торговли оно (духовенство, — Б. С.) лишилось монополии не только на чтение и письмо, но и на более высокие ступени образования».⁴

Особенно следует остановиться на «священноначальниках», так как и сам Иван Федоров, и Флетчер, и Теве видели в них основную силу, враждебную книгопечатанию. Вопрос об отношении церковных иерархов к книгопечатанию является частью более общего вопроса об отношении этих кругов к правительству Грозного вообще и к его внутренней политике в частности. Наряду с политикой единения, обусловленной общностью интересов класса феодалов и феодальной церкви, между церковными деятелями и правительством имели место существенные разногласия. За годы княжения Ивана III, его сына Василия III и царствования (и княжения) Ивана IV из десяти митрополитов только четыре занимали кафедру до смерти. Шесть из них сами сложили с себя столь высокий сан. За двадцать лет, с 1552 по 1572 год, в Москве сменилось четыре митрополита, и эти перемены могли отозваться на судьбе типографии.

В настоящее время из-за недостатка документальных данных трудно восстановить все подробности жизни и деятельности митрополитов Макария, Филиппа и других иерархов церкви, но общее направление деятельности каждого прослеживается достаточно хорошо.

После смерти Макария⁵ (31 декабря 1563 года) митрополитом всея Руси был провозглашен Афанасий (в миру Андрей), протопоп Благове-

¹ Митр. Евгений, ук. соч., стр. 281. — Н. М. Карамзин, ук. соч., стлб. 28

² А. С. Зернова, ук. соч., стр. 31.

³ И. Перриштейн. Донесения о Московии. Чтения ОИДР, 1876, М., кн. II, отд. 4, стр. 6 — Стоглав. Изд. III, 1912, Казань, стр. 59—60

⁴ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М., 1952, стр. 24.

⁵ Тесная близость Макария к Грозному не вызывает никаких сомнений. См.: К. Заусцинский, ук. соч.; В. Ключевский, ук. соч., стр. 221—297; Е. Голу-

щенского собора и духовник самого царя, сопровождавший его в Казанском походе 1552 года. У нас нет материалов, на основании которых можно было бы считать Афанасия противником Грозного. Скорее наоборот. Афанасий был связан с царем узами многолетнего личного общения. Он, видимо, принимал деятельное участие в составлении Степенной книги,¹ основная мысль которой заключалась в доказательстве божественного происхождения самодержавной власти Грозного. В послесловии Апостола 1564 года имеется одна интересная деталь, которая в какой-то степени отражает характер взаимоотношений, установившихся между Афанасием и Иваном Федоровым. Согласно послесловию Апостола, работы по его изданию были завершены 1 марта 1564 года «... при архиепископе Афанасии, митрополите всея Руси в первое лето святительства его». В данном случае имеет место или случайная опечатка, или, что скорее, сознательно неточное изложение событий. В действительности 1 марта 1564 года Афанасий, хотя и исполнял обязанности московского митрополита, так как был уже наречен последним, но юридически не мог называться ни архиепископом, ни митрополитом, ибо не был еще хиротонисан во епископы. Только после акта посвящения, который имел место 5 марта, Афанасий мог называться архиепископом и митрополитом.

Трудно предположить, что здесь была допущена опечатка, так как цифра 1 (а) стоит на видном месте. Повидимому, первопечатный Апостол был адресован Иваном Федоровым новому владыке русской церкви, который и раньше находился у кормила церковной власти при умирающем Макарии.

19 мая 1566 года Афанасий «за немощию» оставил митрополию и возвратился в Чудов монастырь.² Дата его смерти точно не известна. В 1568 году он был еще жив. Следующим митрополитом всея Руси был Филипп II (1507—1569) — в миру Федор Степанович Колычев, происшедший из старинного боярского рода. Первые московские типографии прекратили свою деятельность в период пребывания на митрополичьем престоле Филиппа II, и это, видимо, не случайно. Житийная биография его, составленная в конце XVI века, распространена в многочисленных списках и хорошо известна, но подлинная деятельность вырисовывается здесь только в общих чертах. Ясно лишь одно — на протяжении почти всей своей сознательной жизни Ф. С. Колычев вел решительную борьбу со всякими попытками правительства Елены Глинской и Ивана IV ограничить своеволие бояр.

Вспомним политическую обстановку, сложившуюся в Москве к 1566—1567 годам, к периоду прекращения деятельности первых русских печатных дворов.

Неудачи Ливонской войны потребовали от Ивана IV мобилизации всех сил государства. Политика реформ, проводимая Избранной радой и отражавшая определенное равновесие сил между дворянством и родовой земельной аристократией, изжила себя. Нарастающее сопротивление, которое оказывали реакционные круги боярства и духовенства проведению всех мероприятий дворянского правительства Ивана Грозного, неизбежно должно было привести к вооруженным столкновениям. Основываясь на

бинский, ук. соч., стр. 92—109; В. Васильев. История канонизации русских святых. Чтения ОИДР, 1893, кн. III, отд. 3, стр. 156—203; И. У. Будовниц, ук. соч., гл. VII, и др.

¹ П. Г. Васенко. Заметки к статьям о Смуте, включенным в Хронограф редакции 1617 года. Сборник статей по русской истории, Пб., 1922, стр. 267

² ПСРА, XIII. второй полутом, стр. 401.

сообщениях Г. Штадена,¹ А. Шлихтинга,² Д. Горсея,³ Данила из Бухова,⁴ И. Таубе и Э. Крузе,⁵ можно утверждать, что к 1657 году в Москве сложился боярский заговор, ставивший своей целью путем интервенции и гражданской войны ликвидировать самодержавную царскую власть. Во главе заговора стоял боярин И. П. Челядин; кроме него, видную роль играли Владимир Андреевич Старицкий и кабардинский князь Михаил Темрюкович — брат и шурин царя. Есть основания считать, что активную роль в заговоре играл митрополит Филипп. О том, что последний был замешан в заговоре, писал Г. Штаден.⁶ Об участии в заговоре высшего духовенства сообщает Д. Горсей.⁷ На личную близость Филиппа к роду Челядиных и на его сочувствие заговорщикам указывают И. Таубе и Э. Крузе.⁸

Хотя прямых доказательств непосредственного участия Ф. Колычева в боярском заговоре 1567 года ни в «Житии»,⁹ ни в летописях не имеется, русские источники все же единодушно сообщают об упорной борьбе митрополита Филиппа с царем Иваном IV в период между 1566—1568 годами. В связи со всем изложенным о митрополитах Афанасии и Филиппе необходимо отметить в послесловии Псалтыри, изданной Андроником Невежей в 1568 году, одну интересную деталь, которая, как нам кажется, может характеризовать взаимоотношения, сложившиеся между первыми московскими типографиями и митрополитом Филиппом. Автор послесловия, вероятно, сам Андроник Невежа, писал: «... повелением благочестивого царя и благословением митрополита Афанасия вся Русь составила штанба сия в лета 7076 [1568] марта в 8 день». 8 марта 1568 г. митрополит Афанасий никак не мог благословлять составившуюся «штанбу», так как в то время он не был российским митрополитом. Едва ли он мог благословить ее при закладке, ибо в таком случае придется предположить, что типография Андроника Невежи начала строиться не позже 19 мая 1566 года.¹⁰ Как доказала А. С. Зернова, весь печатный материал Андроник Невежа получил из типографии Ивана Федорова,¹¹ и два года «составляться» его «штанба» не могла. Типография Андроника Невежи была заложена, повидимому, во второй половине 1567 года, когда уже и анонимная, и федоровская типографии прекратили свою работу. Следовательно, и при закладке этой типографии Афанасий также присутствовать не мог. Как нам кажется, причина такого искажения заключается не в случайной опечатке, а в сознательном искажении фактов. Дело в том, что Псалтырь закончили печатать 20 декабря 1568 г., т. е. через 42 дня после низложения Филиппа. Повидимому, отношения московских первопечатников с Федором Колычевым были настолько натянуты, что в послесловии Псалтыри 1568 года Андроник Невежа, ученик Ивана Федорова, не упомянул одиозное в то время имя митрополита, поставив на место Филиппа Афанасия.

Не означает ли это, что в числе врагов Ивана Федорова мы можем считать «священноначальника» митрополита Филиппа и близких к нему по

¹ Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного. Л., 1925, стр. 87—89.

² Сказание Альберта Шлихтинга. Л., 1934, стр. 62.

³ Записки о Московии XVI в. сера Джерома Горсея. СПб., 1909, стр. 24, 26, 27, 38.

⁴ Чтения ОИДР, 1876, кн. III, отд. 4, стр. 22.

⁵ Послание И. Таубе и Э. Крузе РИЖ, кн. 8, Пгр., 1922, стр. 42, 43 и др.

⁶ Г. Штаден, ук. соч., стр. 88, 89.

⁷ Записки о Московии XVI в. сера Джерома Горсея, стр. 36—39.

⁸ Послание И. Таубе и Э. Крузе, стр. 42.

⁹ Начертание жития Филиппа II. М., 1860.

¹⁰ 19 мая 1566 г. Афанасий ушел с кафедры.

¹¹ А. С. Зернова, ук. соч., стр. 44.

политическим убеждениям «начальников», представителей враждебной Ивану IV московской аристократии: боярина И. П. Челядина, князя Владимира Андреевича Старицкого, кабардинского князя Михаила Темрюковича и др.

Последним вопросом, на котором следует остановиться, является вопрос о пожаре типографии Ивана Федорова. В литературе по этому поводу высказываются разные мнения. Следуя за Карамзиным, большинство исследователей XIX века считало, что типография действительно была сожжена. В последнее время такую точку зрения разделяли Р. Ю. Виппер¹ и С. В. Бахрушин.² Ряд других специалистов придерживались противоположного мнения.³ Ясность в этот вопрос была внесена А. С. Зерновой, которая доказала использование шрифтов Ивана Федорова в типографии Андроника Невежи в 1568 году и самим Иваном Федоровым в бытность его в Литве. Уезжая из Москвы, Иван Федоров захватил с собой все (35 штук) заставочные доски и рамку вокруг изображения апостола Луки. А. С. Зернова установила поразительный факт существования и употребления резных федоровских досок в течение 200 лет после смерти самого Ивана Федорова.⁴ Иван Федоров увез с собой не многопудовый шрифт, а матрицы, которые были легче для перевозки. О пожаре типографии нигде не говорил и сам Иван Федоров. Поджог едва ли мог иметь место после отъезда первопечатников.

Между тем Флетчер и Теве говорят о пожаре типографии, и не считаться с этими известиями нельзя. Флетчер, писавший ранее 1591 года (книга Флетчера «Of the russe commonwealt» вышла в Лондоне в 1591 г.), мог слышать о пожаре любой из московских типографий, прекративших свое существование до 1591 года. Ими могли быть анонимная типография, типография Ивана Федорова и две типографии Андроника Невежи — Московская 1568 года и типография, основанная в 1576 году в Александровской слободе. Сведения Флетчера нельзя отнести к типографии Андроника Невежи 1589 года, так как, судя по выходным данным напечатанных в ней книг, с 1589 по 1591 год никаких перерывов в ее работе не было. Сведения Теве, писавшего на 13—14 лет раньше Флетчера, сокращают круг поисков, исключая типографии Андроника Невежи в Александровской слободе и в Москве, так как типография 1568 года сгорела, повидимому, весной 1571 года, во время нашествия на Москву крымского хана Девлет-Гирея, при совершенно иных обстоятельствах, чем указанные у Теве.

Имеется еще одно доказательство того, что типография Ивана Федорова гореть не могла. На основании ряда источников⁵ можно утверждать, что типография Ивана Федорова находилась на Никольской улице Китай-города, недалеко от Никольских ворот Кремля. В. Румянцев специально исследовавший историю древних зданий Московского печатного двора, пришел к убеждению, что место его не менялось.⁶ Такой прекрасный знаток старой Москвы, как П. В. Сытин также считает, что типография Ивана Федорова находилась на Никольской улице Китай-города.

В середине XVI века это была одна из оживленнейших улиц, расположенных в торговом центре Москвы. Г. Штаден писал, что недалеко от ти-

¹ Р. Ю. Виппер. Иван Грозный. М.—Л., 1944, стр. 74—75.

² История СССР, I. Изд. 2-е, 1948, стр. 351.

³ М. Н. Тихомиров, ук. соч., стр. 93—94.

⁴ А. С. Зернова, ук. соч., стр. 44, 66—79.

⁵ Г. Штаден, ук. соч., стр. 100—104. — Сказание известно о воображении книг печатного дела — П. Строев, ук. соч., стр. 447. — Акты исторические, II, № 20, от 16 января 1599 г.

⁶ В. Румянцев. Древние здания Московского печатного двора. М., 1869, стр. 2.

пографии находился цейхгауз и «башня полная зелья»¹ — современная арсенальная башня Кремля. Пожар типографии мог легко вызвать взрыв башни, последствия чего были бы слишком тяжелы. Случаи подобного рода уже имели место. Так, например, во время пожара 1547 года взорвалась зеленая башня Кремля, запрудив Москву-реку своими обломками.² Учитывая эти обстоятельства, очень трудно поверить, чтобы бояре действительно могли решиться на поджог типографии, так как пожар последней мог привести к тому, что выгорел бы весь Китай-город, т. е. их собственные усадьбы и дома, расположенные поблизости.³

Если типография Ивана Федорова не была сожжена, остается предположить, что горела анонимная типография. А. С. Зернова установила, что печатный материал анонимной типографии никогда и нигде больше не встречается.⁴ Это является лишним подтверждением того, что горела не типография Ивана Федорова, а именно так называемая анонимная.

Если анонимная типография действительно была сожжена, а принять такое предположение вполне возможно, то из этого вытекает, что она не могла находиться ни в Кремле, ни в Китай-городе, ни в Белом городе, так как в любом случае поджог ее был бы опасен для боярства. Расположена она могла быть где-либо на окраине или в одном из подмосковных пригородных монастырей.

Победа врагов книгопечатания была временным явлением. Сразу же после отъезда Ивана Федорова и прекращения деятельности анонимной типографии двое других мастеров печатных дел, Андроник Невежа и Никифор Тарасиев, которые согласно «Сказанию известно о воображении книг печатаного дела», были учениками первопечатников, повелением царя «составили» новую типографию. Остановить книгопечатное дело было уже невозможно.

¹ Г Штаден, ук. соч., стр. 100—104.

² О пожарах Москвы см.: П. В. Сытин История планировки и застройки Москвы. М., 1950, стр. 53—55; История Москвы, I М., 1952, стр. 238—241

³ Л. М. Тверской Русское градостроительство до конца XVII в. М.—Л., 1953, стр. 42 — История Москвы, I. М., 1952, стр. 232—243

⁴ А. С. Зернова, ук. соч., стр. 78 Кроме того, следует учесть указание Флетчера, что печатный станок и буквы совершенно сгорели (Д. Флетчер, ук. соч., стр. 96).